

Жданов А. А. Из лекцій по Священному Писанию Ветхого Завета / Под ред. свящ. Д. В. Рождественского // Богословский вестник 1913. Т. 1. № 1. С. 1–16 (3-я пагин.). (Начало.)

Изъ лекцій по Священному Писанію Ветхаго Заѣта, читанныхъ доцентомъ Московской Духовней Академіи А. А. Ждановымъ (съ Сент. 1888 г. до Сент. 1893 г.).

Александръ Алексѣевичъ Ждановъ родился 6 Сентября 1860 г. въ с. Рудневѣ Пронскаго у. Рязанской губ., гдѣ отецъ его состоялъ священникомъ. Въ 1880 г. онъ окончилъ курсъ Рязанской Духовной Семинаріи и спустя годъ занялъ мѣсто сельскаго учителя. Прослуживъ учителемъ два года, онъ въ 1883 г. поступилъ въ Московскую Духовную Академію, курсъ которой окончилъ въ 1887 г. съ блестящимъ успѣхомъ и, послѣ стипендіатскаго года, опредѣленъ и. д. доцента М. Д. Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта. Въ 1891 г. Александръ Алексѣевичъ приобрѣтаетъ степень магистра богословія за сочиненіе: „Откровеніе Господа о семи азійскихъ церквахъ. (Опытъ изъясненія первыхъ трехъ главъ Апокалипсиса)“, а 12 Ноября того же года утверждается въ званіи доцента. Служба А. А. Жданова въ Академіи была непродолжительна: 1 Сентября 1893 г. онъ выбылъ изъ Академіи и назначенъ на должность инспектора народныхъ училищъ Мариупольскаго уѣзда Екатеринославской губ. Его служебная карьера закончена въ Тверской губ., въ должности инспектора же народныхъ училищъ: онъ скончался 16 Марта 1909 г. въ Корчевѣ Тверской губ.

Въ должности доцента Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія В. З. Александръ Алексѣевичъ состоялъ только пять лѣтъ: срокъ непродолжительный, если принять во вниманіе то, что онъ за этотъ же срокъ долженъ былъ представить магистерскую работу. Однако, имъ составленъ довольно обширный систематическій курсъ его науки, обнимающій вопросы Общаго Введенія и рѣшеніе важнѣйшихъ исагогическихъ проблемъ, касающихся Пятокнижія, книгъ историческихъ и пророческихъ, съ общимъ обзорѣніемъ ихъ содержанія и съ множествомъ экзегетическихъ экскурсовъ. Въ читанномъ имъ

курсъ не достаетъ чтеній о книгахъ учительныхъ (точнѣе — о книгахъ отдѣла „кетувимъ“, такъ какъ А. А. излагалъ свой курсъ примѣнительно къ расположенію ветхозавѣтныхъ книгъ въ еврейской Библии) и неканоническихъ. Онъ держится обыкновенно такого плана: при изслѣдованіи той или другой книги или цѣлой группы книгъ (напр., Пятокнижія), онъ рѣшаетъ важнѣйшіе псагогическіе вопросы, попутно знакомя съ содержаніемъ данной книги или нѣсколькихъ книгъ; а затѣмъ спеціальному экзегетическому изслѣдованію подвергаетъ наиболѣе трудные отдѣлы. Задача его чтеній имъ самимъ выяснена въ слѣдующихъ словахъ, заключающихъ чтеніе, открывающее курсъ: „при наличномъ количествѣ лекцій, мы принуждены ограничиться однимъ только первымъ отдѣломъ науки, т. е. предметомъ нашего курса будетъ „происхожденіе отдѣльныхъ книгъ, входящихъ въ составъ библейскаго канона“, при чемъ, по мѣрѣ возможности, отъ времени до времени мы будемъ предлагать изъясненіе избранныхъ мѣстъ изъ тѣхъ священныхъ книгъ, которыя будутъ подлежать нашему изученію“. Къ лекціямъ приложенъ очень подробный указатель литературы — конечно, для нашего времени устарѣвшій и требующій значительнаго пополненія. Въ изслѣдованіи вопросовъ псагогическаго характера и при истолкованіи избранныхъ отдѣловъ, г. Ждановъ держится золотой середины: онъ не слѣдуетъ рабски за авторитетами, но и не увлекается критицизмомъ. Съ представителями отрицательно-критическаго направленія очень успѣшно полемизируетъ. Что касается изложенія, то, повидимому, не всѣ отдѣлы можно признать одинаково обработанными: одни можно считать окончательно редактированными авторомъ; другіе же — съ поправками, сокращеніями и дополненіями — очевидно, предполагалось обработать впоследствии.

Кромѣ стипендіатскаго отчета (см. Журналы Совѣта Академіи за 1888 г.), магистерской диссертациі и рѣчи предъ магистерскимъ диспутомъ (Приб. къ твор. свв. отц. за 1891 г.) А. А. Ждановъ составилъ разборъ докторской диссертациі М. Д. Муретова; разборъ этотъ, при его обширности и обстоятельности, признается придирчивымъ (Прав. Бог. Энцикл., г. V. ст. 546). Въ Богословскомъ Вѣстникѣ помѣщены Александромъ Алексѣевичемъ нѣсколько статей критико-библіо-

графическаго характера (см. Указатель къ Богословскому Вѣстнику за первое десятилѣтіе). Онъ принималъ участіе въ переводѣ твореній св. Кирилла Александрійскаго (9-й части) на русскій языкъ. Помимо печатныхъ, отъ Александра Алексѣевича остались нѣкоторые рукописные труды: Словарь еврейскихъ собственныхъ именъ, Разборъ соч. Морозова: „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“ и др.

Лекціи покойнаго печатаются безъ существенныхъ измѣненій, безъ сокращеній и дополненій, равно какъ безъ критическихъ замѣчаній. Подстрочныя примѣчанія (большею частію, библиографическаго характера) принадлежатъ редактирующему курсъ лекцій.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ обширной группѣ наукъ, обозначаемыхъ общимъ именемъ „богословскихъ“, есть немало такихъ, которыя должны отстаивать свое право на существованіе, отвоевывать себѣ, и иногда съ большимъ трудомъ, мѣсто въ той или другой отрасли богословскаго вѣдѣнія, т. е. доказывать, что и онѣ, какъ подобаетъ всякой наукѣ, имѣютъ свой собственный предметъ, свою собственную задачу, оправдывающую ихъ бытіе, извѣстную наличность историческихъ условій, вызвавшую ихъ существованіе въ качествѣ специальныхъ наукъ: при этомъ часто является необходимость опровергать и разсѣивать идущія съ разныхъ сторонъ возраженія и сомнѣнія въ ихъ теоретической состоятельности и практической пригодности, проводить трудно различимыя грани и ставить межевые знаки, чтобы оградить свои предѣлы, обезопасить себя отъ вторженія чужеродныхъ элементовъ, а также отъ собственныхъ неосторожныхъ экскурсій въ чужія владѣнія. Наука Священнаго Писанія Ветхаго Завета не изъ такихъ: ея предметъ (ветхозавѣтная Библія) съ дѣтства знакомъ каждому, и никому не приходило въ голову сомнѣваться въ его реальности. Насколько этотъ предметъ изученія отличается опредѣленностью съ матеріальной стороны, не допускающей никакихъ перетолкованій, настолько же безспорно и не нуждается въ доказательствахъ право науки на самостоятельное существованіе.

Въ иномъ положеніи находится дѣло относительно метода

науки, содержанія ея и конечной цѣли, къ которой должно вести изученіе ветхозавѣтной Библии. Хотя вамъ, какъ лицамъ, прослушавшимъ курсъ богословской энциклопедіи, т. е. введенія въ кругъ богословскихъ наукъ ¹⁾, безъ сомнѣній, извѣстны и положеніе науки Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта въ кругу прочихъ отраслей богословскаго вѣдѣнія и ея отличительный характеръ съ матеріальной и формальной сторонъ,—тѣмъ не менѣе считаю небезполезнымъ и отъ себя предложить вашему вниманію нѣкоторыя разъясненія по указаннымъ пунктамъ, т. е. относительно надлежащей и возможной постановки науки Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта.

Въ настоящее время громадное большинство учебныхъ руководствъ и научныхъ курсовъ по Священному Писанію Ветхаго (а равнымъ образомъ, и Новаго) Завѣта носятъ названіе „введеній“; къ этому названію, смотря по характеру и объему изслѣдованій, чаще всего присоединяются эпитеты: „критическое“, „критико-историческое“, „общее“, „частное“ и другіе. Тѣмъ же терминомъ обозначаются и спеціальныя монографіи объ отдѣльныхъ священныхъ книгахъ и о тѣхъ или другихъ группахъ книгъ, связанныхъ между собою или единствомъ происхожденія или однородностью содержанія. Терминъ „введеніе“, какъ почти всѣ другіе термины, служащіе для обозначенія различныхъ наукъ, не даетъ ни малѣйшаго понятія ни о содержаніи, ни о методѣ, ни о задачѣ науки, и никакой логической анализъ не можетъ извлечь изъ него указаній въ этомъ направленіи. Эту пустоту можетъ дополнить единственно одно только историческое обозрѣніе развитія науки и непосредственное знакомство съ ея современнымъ состояніемъ.

Терминъ „введеніе“ представляетъ историческое наслѣдство отъ того, достаточно уже отдаленнаго, прошлаго, когда только что зарождалась наука о Священномъ Писаніи, и прямо указываетъ на тотъ первоисточникъ, изъ котораго она первоначально возникла.

¹⁾ Въ годы преподавательской дѣятельности въ Академіи А. А. Жданова введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ, по росписанію, полагалось на первомъ курсѣ, а Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта—на второмъ.

Съ давнихъ поръ у толкователей и издателей свящ. библейскаго текста (сначала у первыхъ) установилось обыкновеніе предпосылать толкованіямъ и изданіямъ предварительныя вводныя свѣдѣнія, или предисловія, которыя имѣли цѣлю дать читателямъ руководство къ надлежащему употребленію священнаго текста и облегчить его уразумѣніе. Выборъ сообщаемыхъ свѣдѣній опредѣлялся отчасти извѣстными потребностями того круга читателей, для котораго назначались толкованія и изданія, отчасти личными вкусами и цѣлями толкователей и издателей. Поэтому, естественно, что подобнаго рода свѣдѣнія были отрывочны, случайны, небогаты содержаніемъ и незначительны по объему. Что представляли собою эти зачатки науки Священнаго Писанія въ патристическій періодъ, можно видѣть изъ немногихъ примѣровъ, которые мы заимствуемъ изъ твореній отцевъ и учителей Церкви, весьма извѣстныхъ своими экзегетическими трудами. Пр. Ефремъ Сиринъ, напр., предваряетъ толкованіе на книгу пр. Іоилы слѣдующимъ введеніемъ (*σχόλιον*): „Іоиль происходилъ изъ колѣна Рувимова; и умеръ и погребенъ онъ въ землѣ Рувимовой. Имя Іоиль толкуется: *крѣпость Господня*“; на Амоса: „Амосъ пророчествовалъ во дни Озіи, царя іудейскаго, о царствѣ израильскомъ и о сосѣднихъ народахъ, а именно: о плѣненіи Израильтянъ и Сиріяняъ Ассиріянами, и о плѣненіи Іудеевъ Вавилонянами“; и въ другихъ случаяхъ пр. Ефремъ вкратцѣ сообщаетъ содержаніе изъясняемой книги. ¹⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ въ предисловіи (*προοίμιον*) къ бесѣдамъ на пр. Исаію ограничивается замѣчаніями о „превосходствѣ“ пророка и его „сострадательности“, которую онъ, впрочемъ, раздѣляетъ съ другими святыми мужами древности. ²⁾ Бл. Беодоритъ обыкновенно даетъ напередъ *ὑπόθεσις*—пзложеніе содержанія книги. Наибольшей обстоятельностью отличаются предисловія (*προοίμια*) св. Кирилла Александрійскаго, въ которыхъ, кромѣ біографическихъ свѣдѣній о писателѣ, излагаются историческія обстоятельства, обусловливавшія происхожденіе священной книги и изъясняющія главную цѣль ея и отличительныя особенности ея содержанія. У бл. Иеро-

¹⁾ Твореній ч. 6-ая. Изд. 3 М. 1887. Стр 150 и 162.

²⁾ Полн. собр. твореній св. отца нашего *Іоанна Златоуста*. Т. 6, чн. 1. СПб. 1900. Стр. 5.

нима иногда можно найти перечень трудовъ его предшественниковъ по изясненію той или другой книги (такъ сказать, литературу предмета),—впрочемъ, это лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ показать слабость и недостаточность всего, что сдѣлано до него. У многихъ толкователей (у бл. же Иеронима, у св. Кирилла и др.) попадаются методологическія замѣчанія о способахъ истолкованія болѣе или менѣе затруднительныхъ мѣстъ и отдѣловъ Библии.

Съ теченіемъ времени, подобныя предисловія или введенія постепенно обогащались новымъ содержаніемъ и мало-по-малу начали появляться попытки составить изъ нихъ нѣчто цѣлое. Древнѣйшія изъ нихъ и наиболѣе извѣстныя: на Востокѣ—Синопсисъ, приписываемый св. Аванасію Александрійскому (онъ помѣщается въ полныхъ изданіяхъ славянской Библии ¹⁾) и содержитъ краткія свѣдѣнія о наименованіяхъ, составѣ и писателяхъ священныхъ книгъ), затѣмъ „Обозрѣніе книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, въ видѣ памятныхъ записокъ“, издаваемое въ числѣ твореній св. Іоанна Златоустаго; ²⁾ на Западѣ—„In libros veteris ac novi testamenti prooemia“ ³⁾ Исидора Севильскаго (VII вѣка).

Въ новѣйшее время древнія введенія разрослись въ обширныя болѣе или менѣе систематическія трактаты, касающіеся разныхъ сторонъ Священнаго Писанія: были отдѣлены отъ комментаріевъ и изданій Библии и начали самостоятельное существованіе въ видѣ специальной науки о Священномъ Писаніи, удержавъ за собою названіе „введенія“.

Такова общая схема исторіи науки, получившей названіе „введенія“, и такимъ образомъ наука о Священномъ Писаніи, согласно своему историческому происхожденію, опредѣляется какъ система предварительныхъ понятій, необходимыхъ для правильнаго, научнаго и практическаго, поль-

¹⁾ Напр., въ изд. 1758 г. см. лл. 32—49; свѣдѣнія о посланіяхъ соборныхъ и св. Ап. Павла изъ Синописа св. Аванасія помѣщены предъ текстомъ каждаго посланія въ отдѣльности.

²⁾ Полн. собр. твор. св. отца нашего Іоанна Златоуста. Т. VI, кн. I. СПб. 1900. Стр. 608: „Обозрѣніе книгъ Ветхаго Завѣта“. Прим.: „въ заглавіи прибавляется: и Новаго, въ видѣ памятныхъ записокъ. Не обозрѣніе книгъ Новаго Завѣта, и даже нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ, какъ то: псалмовъ и пяти меньшихъ пророковъ, Аввакума, Софронія, Аггея, Захаріи и Малахіи, не дошло до насъ“.

³⁾ *Migne, ser. lat., t. LXXXI, col. 401—403.*

зованія священными книгами, для надлежащаго ихъ разумѣнія и истолкованія. Это опредѣленіе въ основныхъ чертахъ неизмѣнно повторяется въ безчисленныхъ хандбухахъ и мербухахъ по Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта, различаясь лишь виѣшней формой выраженія.

Нельзя не замѣтить, что приведеннымъ понятіемъ о наукѣ заранѣе исключается изъ ея содержанія такъ называемый экзегетисъ, или истолкованіе; ея предѣлы ограничиваются одной исагогикой: изъ двухъ, обыкновенно неотдѣляемыхъ другъ отъ друга элементовъ остается только одинъ. Можно ли признать это ограниченіе правильнымъ? Не суживается ли отъ этого болѣе, чѣмъ нужно, содержаніе науки, вслѣдствіе чего она должна многое потерять относительно своего интереса и значенія?

На это должно сказать, что содержаніе науки дѣйствительно суживается, но суживается на достаточномъ основаніи; изъ области науки исключается элементъ, хотя и тѣсно съ нею соприкасающійся, но ей не принадлежащій. Истолкованіе священнаго текста представляетъ собою прикладную, — такъ сказать, практическую дѣятельность въ сферѣ Священнаго Писанія, примѣненіе слова Божія въ извѣстныхъ научно-теоретическихъ или жизненно-практическихъ цѣляхъ, управляемое отчасти сознательными принципами, отчасти безсознательнымъ экзегетическимъ тактомъ; другими словами: истолкованіе можно назвать искусствомъ, умѣньемъ, и безъ него не въ состояніи обойтись никакая наука, никакая дѣятельность, имѣющая хотя бы малѣйшее отношеніе къ Священному Писанію. Сохраняя указанный основной характеръ (искусства) и находя себѣ самыя разнообразныя примѣненія и въ самыхъ разнородныхъ сферахъ, истолкованіе, по необходимости, видоизмѣняется до безконечности, въ зависимости отъ того, къ какимъ цѣлямъ оно направлено, съ какой точки зрѣнія производится, кому оно предназначается, младенцамъ ли, требующимъ словеснаго млека, или мужамъ, привыкшимъ къ твердой пищѣ. При подобныхъ качествахъ, само собою разумѣется, оно не можетъ быть самостоятельнымъ элементомъ въ составѣ науки, задачей которой должна быть выработка твердыхъ объективных принциповъ, необходимыхъ для правильности самаго истолкованія.

Что же должно входить въ содержаніе науки, обозначае- мой терминомъ „введенія“ или „исагогикн“? Какія предва- рительныя понятія и свѣдѣнія должно считать необходи- мыми для уразумѣнія Священнаго Писанія? Будемъ искать отвѣта на этотъ вопросъ, какъ и прежде, въ исторіи науки и посмотримъ, какимъ матеріаломъ наполнялись и напол- няются исагогическіе трактаты по Священному Писанію Ветхаго Завета.

Въ патристическій періодъ, когда вниманіе отцевъ и учи- телей Церкви было сосредоточено главнымъ образомъ на уясненіи основныхъ нравственныхъ понятій, сокрытыхъ въ священныя писменахъ, защитѣ христіанскаго вѣроученія противъ Иудеевъ и язычниковъ, раскрытіи и обоснованіи догматовъ въ полемикѣ противъ еретиковъ, естественно, наиболѣе важное значеніе получили методологическіе приемы, правила и способы, служащіе къ отысканію истиннаго смысла Божественнаго Откровенія; историческій интересъ выраженъ былъ въ весьма слабой формѣ и отступалъ на задній планъ предъ догматическимъ и нравственно-практическимъ. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ Григорій Великій въ началѣ сво- ихъ „Moralia“ на Іова: „кто написалъ эту книгу, совершенно излишне спрашивать, если достовѣрно извѣстно, что авторъ книги Духъ Святой... Кто внушилъ написанное, тотъ и на- писалъ ее... Было бы смѣшно, получивъ посланіе отъ вели- каго человѣка, спрашивать, какою тростію оно написано“, (*Mexx, Eine Rede vom Auslegen etc.*) ¹⁾. При такомъ взглядѣ на Священное Писаніе, научное введеніе въ него должно было заключать въ себѣ лишь правила герменевтики, или искусства толкованія, и именно такой характеръ носятъ всѣ почти сохранившіеся до нашего времени труды по isa- гогикѣ. Познакомимся съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Въ первой половинѣ V-го вѣка епископъ Лионскій Евхе- рій издалъ руководство по Священному Писанію подъ за- главіемъ „Liber formularum spiritalis intelligentiae“, „книга образцовъ, или формулъ духовнаго пониманія“. Это сочиненіе Евхерія содержитъ въ себѣ собственно толковый словарь библейской герменевтики по аллегорическому методу. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ герменевтики Евхерія: если гово-

¹⁾ Halle a. S., 1879. S. 73, Anm. 1; *Migne, Patrologiae Cursus comple- tus. Ser. lat., t. LXXV, col. 517.*

рится, что Богъ имѣеть главу и власы (у Даниїла) и пр., то глава означаетъ сущность Божества (*essentia divinitatis*), власы—святыхъ ангеловъ или избранныхъ праведниковъ; носъ—вдохновеніе Божественное въ сердцахъ вѣрующихъ, уста—Сына или Слово Божіе, губы—согласіе обоихъ Заѣтовъ и под.; шея—Священное Писаніе, ибо въ Пѣсни Пѣсней сказано: *шея твоя, какъ башня Ливанская, на которой виситъ 1000 щитовъ* ¹⁾, т. е. свидѣтельствъ Священнаго Писанія. Каждому существу и предмету, упоминаемому въ Священномъ Писаніи, Евхерій даетъ символическое значеніе: орлы, на языкѣ Священнаго Писанія,—это святые, страусъ—или еретикъ, или философъ, или лицемеръ, пѣтухъ—проповѣдникъ Слова Божія, курица — Церковь, премудрость или душа ²⁾. Въ этомъ духѣ составлено все введеніе Евхерія.

Въ пятомъ же вѣкѣ, какъ предполагаютъ, появился первый трудъ по Священному Писанію съ наименованіемъ введенія. Это—*Εἰσαγωγή εἰς τὰς θείας γραφάς*, „введеніе въ божественныя писанія“, принадлежащее нѣкому Адриану. Адрианъ даетъ собственно стилистику, или риторику Священнаго Писанія, перечисляетъ троны и фигуры, въ немъ употребляемыя, указываетъ нѣкоторые идиотизмы, свойственные духу еврейскаго языка, и по мѣстамъ полемизируетъ съ представителями чисто аллегорическаго толкованія, настаивая на томъ, чтобы толкователь прежде всего отыскивалъ буквальный, непосредственный и ближайшій смыслъ Писанія.

Отъ шестого вѣка остались труды Юнилія ³⁾ и Кассіодора, бенедиктинскаго монаха. Юнилій не епископъ Африканскій, какъ обыкновенно предполагаютъ, а важный Константинопольскій сановникъ (*quaestor sacri palatii* у Юстиніана, † 552), написалъ „*De partibus divinae legis libri duo*“, (*Strack*, Einl. ⁴⁾ изд. 3, стр. 6). Сначала, въ первой книгѣ, Юнилій разсма-

¹⁾ Пѣсн. Пѣсн. 4, 4,—такъ у Евхерія; съ подл. по Синод.: *шея твоя, какъ столпъ Давидовъ., тысяча щитовъ виситъ на немъ* (LXX и Vulg. такъ же).

²⁾ *Migne*, *Patrol.* c. s., ser. lat., t. L. coll. 729—733, 748—754 et 757.

³⁾ См. статью проф. *Вл. Рыбинскаго*: „Юнилій Африканскій и его руководство къ изученію Библии“ въ Т. К. Д. А. 1903 г., № 10 (статья издана и отдѣльною брошюрою).

⁴⁾ *Einleitung in das Alte Testament*. Nördlingen, 1888.

триваетъ „виды рѣчи“ (*species dictionis*: рѣчь историческая, пророческая, приточная, дидактическая, или просто нраво-учительная), затѣмъ даетъ правила для ихъ истолкованія и въ первой же книгѣ переходитъ къ изложенію библейской догматики, которой посвящена и вся вторая книга ¹⁾. Кассіодоръ составилъ въ руководство подчиненнымъ ему бенедиктинскимъ монахамъ двѣ книги „*De institutione divinarum litterarum*“, которыя онъ самъ называетъ „*libri introductorii*“, т. е. книги, содержащія введеніе въ Священное Писаніе обоихъ заветовъ. Въ нихъ Кассіодоръ сначала перечисляетъ все книги Священнаго Писанія, съ указаніемъ главнѣйшихъ толкованій на нихъ, преимущественно латинскихъ, потомъ предлагаетъ вспомогательныя средства для пониманія Библии, доказываетъ необходимость знакомства съ свѣтскою литературою (*litterarum saecularium studia*), сообщаетъ нѣкоторое понятіе о раздѣленіи Писанія и канонѣ священныхъ книгъ,—наконецъ, преподаетъ монахамъ совѣты относительно того, какъ списывать съ книгъ, какъ исправлять погрѣбности, вкравшіяся въ текстъ Вульгаты и пр. ²⁾.

Если къ поименованнымъ трудамъ прибавить еще „*De doctrina christiana*“ Августина,—трудъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ гомилетикѣ, „семь правилъ для изслѣдованія и опредѣленія смысла Писаній“ (*Regulae septem ad investigandam et inveniendam intelligentiam Scripturarum*) донариста Тихонія ³⁾, то мы будемъ имѣть предъ собою почти все, что создала древность по наукѣ введенія въ Священное Писаніе, всю совокупность основныхъ теоретическихъ понятій, которыми руководствовались экзегеты до 14 вѣка (не включаемъ сюда замѣчаній, разсѣянныхъ по комментаріямъ, и другихъ разрозненныхъ и разбросанныхъ матеріаловъ для науки).

Такимъ образомъ, „введеніе“ въ Священное Писаніе, по взгляду патристической древности, выразившемуся въ по-

¹⁾ *Migne, Patrol. c. c., ser. lat., t. LXVIII, coll. 15—42.*

²⁾ *Migne, Patrol. c. c., ser. lat., t. LXX, coll. 1105—1150.*

³⁾ *Migne, Patrolog. curs. compl., ser. lat., t. XVIII, coll. 15—66.* См. Прибавл. къ изданію твор. свв. отецвъ въ русскомъ переводѣ за 1891 г. (ч. 48), стр. 162—183; „О правилахъ Тихонія и ихъ значеніи для современной экзегетики“ *Архимандрита Антонія* и стр. 184—252 и 333—373; „Тихонія Африканца книга о семи правилахъ для изслѣдованія и нахожденія смысла св. Писанія“—переводъ *П. Б-ва.*

именованныхъ трудахъ, представляетъ собою, главнымъ образомъ, герменевтику, которая соприкасается то съ грамматикой и стилистикой, то съ гомилетикой, то съ догматикой, содержитъ въ себѣ свѣдѣнія чисто случайнаго характера и имѣетъ направленіе почти исключительно практическое. Нетрудно видѣть, что при подобной постановкѣ „введеніе“ слишкомъ узко, односторонне, страдаетъ отсутствіемъ всякой научной систематичности и можетъ удовлетворять лишь нехитрымъ потребностямъ начетчика дилетанта, а не развитымъ и многостороннимъ вкусамъ ученаго богослова.

Въ новѣйшее время герменевтика или трактуется какъ самостоятельная наука, или чаще всего входитъ въ науку Священнаго Писанія, какъ одна изъ ея составныхъ частей, въ видѣ „исторіи толкованія“.

Если мы теперь, миновавъ длинный рядъ промежуточныхъ звеньевъ, соединяющихъ древнѣйшій періодъ въ развитіи науки съ новѣйшимъ, обратимся прямо къ новѣйшимъ курсамъ „введенія“, то замѣтимъ, что количество собранныхъ свѣдѣній возрасло въ весьма значительной степени; но мы не найдемъ здѣсь должнаго соответствія съ строго-логической простотой и систематической стройностью въ конструкціи науки: научный матеріалъ, накопленный вѣками, и, безъ всякаго сомнѣнія, цѣнный, переросъ тѣ ограниченныя рамки, которыя были пригодны для древнѣйшаго періода въ исторіи науки и въ свое время, на своемъ мѣстѣ могли быть признаны удовлетворительными. Какая хаотическая пестрота и какое изумительное разнообразіе царитъ въ новѣйшихъ „введеніяхъ“ въ Свящ. Писаніе, въ этомъ можно убѣдиться, бросивъ бѣглый взглядъ на содержаніе нѣкоторыхъ въ томъ или другомъ отношеніи заслуживающихъ вниманія научныхъ курсовъ „введенія“. Такъ въ учебникѣ Рейша составъ науки опредѣляется слѣдующимъ образомъ: во введеніи необходимы свѣдѣнія: во-первыхъ, по библейской филологіи (о языкахъ еврейскомъ, арамейскомъ и греческомъ и исторіи ихъ развитія); во-вторыхъ, по библейской археологіи (о религіозныхъ, гражданскихъ и общественныхъ учрежденіяхъ, установленіяхъ, обычаяхъ и пр. народа Израильскаго и другихъ народовъ древности); въ-третьихъ, по библейской исторіи и географіи; въ-четвертыхъ, по библейской герменевтикѣ и критикѣ; въ-пятыхъ, ученіе о боговдохновенности Свящ. Пи-

санія и о канонѣ священныхъ книгъ (у нѣкоторыхъ—исторія канона, или каноника); въ-шестыхъ, свѣдѣнія по исторіи подлиннаго текста и его переводовъ; наконецъ, въ-седьмыхъ, свѣдѣнія объ авторахъ, цѣли, содержаніи, времени и мѣстѣ написанія отдѣльныхъ книгъ библейскаго канона и пр. ¹⁾.

Въ курсахъ de-Wette ²⁾, Bleek'a ³⁾, Keil'я ⁴⁾ встрѣчаемъ обширныя разсужденія не только о еврейскомъ языкѣ и исторіи еврейской филологіи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго, но и о другихъ семитическихъ языкахъ, сродныхъ съ еврейскимъ: арабскомъ, финикійскомъ, ассирійскомъ и другихъ. Къ основнымъ началамъ библейской герменевтики и критики св. текста, входящихъ въ составъ введенія Рейша, у de-Wette ⁵⁾ и Keil'я ⁶⁾ присоединяется и исторія этихъ отраслей науки. Glaire вводитъ въ свое руководство свѣдѣнія изъ еврейскаго календаря ⁷⁾. Scholz ⁸⁾ помѣщаетъ обширныя изслѣдованія „о происхожденіи и развитіи языковъ вообще и библейскихъ въ особенности“, объ изобрѣтеніи письма—въ частности, у семитовъ, о матеріалахъ, употреблявшихся для письма, о литературѣ древнихъ Египтянъ, Хананеевъ, Финикійянъ, Арабовъ, Ассировавилонянъ, Персовъ, Грековъ и др. Въ нѣкоторыхъ введеніяхъ можно найти назидательныя размышленія о чистотѣ сердца, о молитвѣ, о постѣ, какъ важнѣйшихъ вспомогательныхъ средствахъ, необходимыхъ для уразумѣнія Священнаго Писанія.

Нельзя отрицать того, что составители „введеній“ въ указанномъ объемѣ по своему праву, потому что на вопросъ: „какія свѣдѣнія необходимы для уразумѣнія Библии“ каж-

¹⁾ *Dr. Fr. Reusch*, Lehrbuch der Einleitung in das Alte Testament. Freiburg im Br. 1870. S. 1.

²⁾ *W. M. L. de-Wette*, Lehrb. d. histor.-krit. Einleitung in die kanonischen u. apokryphischen Bücher d. A. Testaments. Bri. 1869. Ss. 71—89.

³⁾ Einleitung in das Alte Testament. Berlin. 1886. §§ 247—270.

⁴⁾ Lehrbuch der historisch—kritischen Einleitung in die kanonischen u. apokryphischen Schriften des Alten Testamentes. Frankfurt a/M. 1873.

⁵⁾ Ss. 155—179.

⁶⁾ Ss. 608—631 u. 665—677.

⁷⁾ *J.—B. Glaire*, Introduction historique et critique aux livres de l'Ancien et du Nouveau Testament. Paris 1868. T. II, pp. 172—178.

⁸⁾ *Dr. Aug. Scholz*, Einleitung in die heiligen Schriften des alten u. neuen Testaments. 1 Th. Köln, 1845. 1-es, 3-es u. 4-es (§§ 56—59) Hauptstücke.

дый даетъ отвѣтъ не по личному только убѣжденію правильный. Одни изъ свѣдѣній, помѣщаемыхъ во введеніяхъ, действительно необходимы при чтеніи и изученіи Библии; другія, если и не такъ необходимы, то, во всякомъ случаѣ, могутъ иногда быть пригодными для читателя и экзегета. Но съ другой стороны, нельзя не видѣть, что въ выборѣ этихъ свѣдѣній попрежнему, какъ это было въ древности,—можетъ быть даже болѣе, чѣмъ въ древности, замѣтно отсутствіе твердаго и устойчиваго начала, которое съ надлежащею опредѣленностью указывало бы объемъ и границы науки и служило руководственной нормой при систематизаціи ея содержанія. Недостатокъ управляющаго принципа со всѣми по необходимости изъ него вытекающими научными и практическими недостатками составляетъ общую характеристическую черту всѣхъ курсовъ по наукѣ Свящ. Писанія, съ наименованіемъ „введенія“, и ясно показываетъ невозможность правильной постановки этой науки въ формѣ введенія, какъ бы его ни называли—историческимъ, историко-критическимъ или какимъ другимъ. Всякое введеніе, по справедливому замѣчанію *Э. Мейера* (*Gesch. d. poetisch. Nation.—Literatur der Hebräer. Vorrede, III*), ¹⁾ „можетъ представлять не иное что, какъ произвольное накопленіе ученыхъ свѣдѣній, которымъ не будетъ доставать истиннаго научнаго принципа и необходимой взаимной связи“; оно можетъ быть только обширнымъ и разнообразнымъ собраніемъ научныхъ матеріаловъ, въ которомъ безпорядочно перемѣшано существенное и необходимое съ несущественнымъ и излишнимъ. Затѣмъ, если изъ него выдѣлится еврейскій языкъ, библейскую археологію, библейскую исторію, какъ дисциплины самостоятельныя (что уже и сдѣлано), то, очевидно, „введеніе“ лишается самыхъ важныхъ и существенныхъ пособій для пониманія и истолкованія Писанія. Что же тогда останется отъ науки?—Въ нее должно будетъ входить все то, что необходимо для уразумѣнія Библии, и вмѣстѣ съ тѣмъ не входить въ составъ какой-либо другой самостоятельной науки,—до тѣхъ поръ, пока снова не отдѣлится отъ нея какая-нибудь важная вѣтвь, чтобы начать самостоятельное существованіе.

¹⁾ *Ernst Meier... Leipzig, 1856.*

Не особенно давно неудовлетворительность описанной постановки библейскаго „введенія“ была замѣчена, и вслѣдствіе этого стали появляться одна за другой попытки построить науку на иныхъ началахъ, сравнительно съ тѣми, которымъ она обязана своимъ происхожденіемъ. Эти попытки идутъ въ двухъ направленіяхъ: одни ученые поставляютъ науку о Свящ. Писаніи въ тѣсную зависимость отъ догматики, другіе разсматриваютъ ее, какъ часть всеобщей исторіи литературы. Представители первой группы твердо держатся традиціоннаго названія науки „введеніемъ“ и лишь сопровождаютъ его частными поясненіями относительно ея задачи и метода. Напротивъ, ученые второй группы или бросаютъ этотъ терминъ, какъ нецѣльный и устарѣлый остатокъ отдаленнаго прошлаго, и замѣняютъ названіемъ „исторія Свящ. Писанія Ветхаго или Новаго Завѣта“ (Reuss, ¹⁾ Kuenen ²⁾ или же, сохраняя прежній терминъ, прибавляютъ оговорку, что они имѣютъ въ виду собственно „критическую исторію ветхозавѣтной или новозавѣтной литературы“ (Vatke, ³⁾ Bleek, ⁴⁾ Riehm ⁵⁾). Къ первой группѣ принадлежатъ почти всѣ католики (изъ католиковъ нѣкоторое исключеніе представляетъ Haueberg) ⁶⁾ и протестанты такъ называемаго ортодоксальнаго направленія, ко второй—большинство новѣйшихъ свободомыслящихъ ученыхъ.

Къ наиболѣе виднымъ и типичнымъ представителямъ первой группы ученыхъ принадлежатъ изъ католиковъ Калуень, ⁷⁾ изъ протестантовъ—Кейль. Послѣдній оказывалъ и продолжаетъ оказывать сильное вліяніе на развитіе рус-

¹⁾ См. Die Geschichte der heiligen Schriften Alten Testaments entworfen von *Eduard Reuss*. Braunschweig, 1890.

²⁾ Historisch—kritische Einleitung in die Bücher des alten Testaments hinsichtlich ihrer Entstehung und Sammlung. Erster Teil. Erstes Stück. Leipzig 1887. Ss. 1—2.

³⁾ W. *Vatke's* Historisch—kritische Einleitung in das Alte Testament. Bonn, 1886. S. 1.

⁴⁾ Op. cit., S. 1.

⁵⁾ Einleitung in das Alte Testament. I Teil. Halle 1889. S. 10.

⁶⁾ Geschichte der biblischen Offenbarung. als Einleitung in's alte und neue Testament. Regensburg. 1863.

⁷⁾ Einleitung in die heilige Schrift Alten und Neuen Testaments. Freiburg im Br. 1876; это сочиненіе въ 1911 г. вышло пятымъ изданіемъ, во Фрейбургѣ же.

ской науки о Ветхомъ Завѣтѣ; въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ русскіе богословы усердно передѣлывали и переводили Кейля ¹⁾ и предпринимали педагогическія изслѣдованія въ духѣ и направленіи той школы, къ которой принадлежалъ Кейль (т. е. ортодоксально-протестантской; къ ней же принадлежатъ Генгстенбергъ, Гефершикъ и др.). Благодаря Кейлю и другимъ протестантамъ ортодоксаламъ, въ русской богословской литературѣ утвердились до значительной степени и почти стали традиціонными многія педагогическія и экзегетическія воззрѣнія, прикрываемыя обыкновенно авторитетомъ великихъ отцевъ и учителей Церкви, на самомъ же дѣлѣ представляющія помѣсь протестантской ортодоксіи съ средневѣковымъ іудействомъ и отличающіяся ясно выраженнымъ характеромъ такъ называемой библиолатрин. Каузенъ же поименованъ нами потому, что онъ можетъ быть признанъ типическимъ выразителемъ взглядовъ, преобладающихъ въ католическомъ мірѣ.

По воззрѣнію Кейля, „историко-критическое Введеніе въ Ветхій Завѣтъ есть наука объ историческихъ основахъ ветхозавѣтнаго канона, какъ совокупность историко-критическихъ изысканій, которыя обосновываютъ научно-богословское употребленіе Ветхаго Завѣта, какъ канона до-христіанскаго Откровенія, и доказываютъ права Церкви на подобное употребленіе. Но такъ какъ авторитетъ книгъ каноническихъ прилагается писаніямъ Ветхаго Завѣта лишь въ томъ предположеніи, что они содержатъ въ себѣ подлинныя источники ветхозавѣтнаго Откровенія, преданы намъ неповрежденными по своему содержанію и издревле были почитаемы за таковыя, т. е. за книги каноническія, то отсюда, заключаетъ Кейль, для науки Свящ. Писанія возникаетъ двоякая задача: историко-критическимъ методомъ изслѣдовать и доказать — во-первыхъ, происхожденіе и характеръ этихъ писаній каждаго въ отдѣльности, а такъ же собраніе и соединеніе ихъ въ одно органически разчлененное цѣлое; во-вторыхъ, неповрежденность, т. е. сохраненіе этого цѣлага въ

¹⁾ Въ трудахъ Кіевск. Дух. Академіи за 1871—6 гг. помѣщенъ переводъ студентовъ Академіи, подъ ред. доцента *А. Олесницкаго*, вышедшій и отдѣльнымъ изданіемъ, — „Руководства къ библейской археологій Карла Фридриха Кейля“, въ двухъ частяхъ.

неприкосновенномъ видѣ сначала въ іудейской, а затѣмъ въ христіанской Церкви до настоящаго времени“¹⁾.

Прямѣе и послѣдовательнѣе эту задачу науки выражаетъ Кауленъ. „Библейское введеніе (безразлично, какого Завѣта), по мнѣнію Каулена, есть доказательство боговдохновенности и каноническаго характера Свящ. Писанія“.²⁾ Этой цѣли оно достигаетъ, раскрывая во-первыхъ неповрежденность, во-вторыхъ подлинность и достовѣрность священныя книгъ, вопреки дѣйствительнымъ и возможнымъ возраженіемъ противъ нихъ. Поэтому, продолжаетъ Кауленъ, „введеніе въ Священное Писаніе не есть часть всеобщей исторіи литературы, какъ думаютъ въ новѣйшее время, потому что, въ этомъ случаѣ, оно перестало бы быть богословскою наукой;... не есть также вѣтвь историческаго богословія, потому что имѣетъ цѣлю не раскрытіе чего-либо неяснаго, а доказательство зарадѣ даннаго: слѣдовательно, оно составляетъ часть догматическаго богословія, и именно принадлежитъ къ его общему, или апологетическому отдѣлу“³⁾.

Нельзя не замѣтить, что Кауленъ болѣе логиченъ и послѣдователенъ, чѣмъ Кейль. Кейль ставитъ рядомъ два совершенно непримиримыхъ между собою понятія: „критически изслѣдовать“ и „защитить отъ всѣхъ нападеній противниковъ“. Апологетическая задача⁴⁾ („защитить“) требуетъ критическаго изслѣдованія не самаго предмета, а тѣхъ мнѣній о немъ, которыя завѣдомо признаются ложными: вслѣдствіе этого, изслѣдованіе, необходимо, теряетъ критическій характеръ, изъ критическаго обращается въ полемическое, и, строго говоря, даже перестаетъ быть изслѣдованіемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. „Введеніе“, въ самомъ принципѣ своемъ преслѣдующее апологетическую задачу, не можетъ быть названо историкокритическимъ, а скорѣе полемическимъ, и если удалить этотъ ненужный и неудобный придатокъ (историко-критическое), въ которомъ

¹⁾ S. 1.

²⁾ S. 4; въ 5 изд. вм. „Nachweis“—die Rechtfertigung der kirchlichen Lehre“ (S. 5).

³⁾ S. 5; вм. „in den allgemeinen oder apologetischen Abschnitt derselben“ въ 5 изд.: „in den allgemeinen Abschnitt derselben, in die Fundamentalthologie“.

⁴⁾ *Kal* Einl. S. IV u. 1.